

Содержание

Страх и трепет

Перевод с французского
Натали Поповой, Игоря Попова

9

Токийская невеста

Перевод с французского
Ирины Кузнецовой

127

Страх и трепет

Господин Ханэда был начальником господина Омоти, который был начальником господина Сайто, который был начальником Фубуки Мори, которая была моей начальницей. А у меня подчиненных не было.

То же самое можно сказать иначе. Я выполняла приказы Фубуки Мори, которая выполняла приказы господина Сайто, и так далее. Правда, приказы могли поступать и непосредственно сверху вниз, минуя иерархические ступени.

Короче, в компании “Юмимото” я подчинялась всем, а мне — никто.

Восьмого января 1990 года лифт выплюнул меня на последнем этаже здания компании “Юмимото”. Окно в конце длинного коридора всосало меня, словно разбитый иллюминатор самолета. Далеко, очень далеко внизу лежал город — неузнаваемый, будто я никогда не ступала по его улицам.

Я не сообщила о своем приходе в приемной. Я об этом попросту забыла, потому что меня заворожала пустота, открывавшаяся за окном.

И тут я услышала свое имя, которое за моей спиной произнес чей-то хриплый голос. Я обернулась. И увидела человечка лет пятидесяти — маленького, тщедушного, некрасивого и очень недовольного.

— Почему вы не заявили о себе в приемной? — спросил он.

Сказать мне было нечего. И я ничего не сказала. Опустив голову и плечи, я не без грусти констатировала, что в первые же десять минут своего пребывания в компании “Юмимото”, не успев произнести ни единого слова, уже ухитрилась произвести плохое впечатление.

Коротышка сказал, что его зовут господин Сайто. Он повел меня по бесчисленным огромным офисам, где представлял толпам сотрудников, называя их имена, которые тут же вылетали у меня из головы.

Затем он привел меня в кабинет, где восседал его начальник, господин Омоти. Это был свирепый толстяк, и с первого взгляда было ясно, что он — вице-президент компании. Господин Сайто показал мне еще одну дверь и торжественно сообщил, что за ней сидит господин Ханэда, президент. По его тону я поняла, что о встрече с господином Ханэдой не стоит даже мечтать.

Наконец он проводил меня в большую комнату, где трудилось десятка четыре сотрудников, и показал мне мое рабочее место, напротив моей непосредственной начальницы, Фубуки Мори. Она была на совещании, и мне предстояло с ней встретиться только после полудня.

Господин Сайто без лишних слов представил меня всем сотрудникам, после чего спросил, люблю ли я трудности. Я поняла, что ответить “нет” просто не имею права.

— Да, — ответила я.

Это было первое слово, которое я произнесла в компании “Юмимото”. До этой минуты я лишь кивала головой.

“Трудность”, которой решил озадачить меня господин Сайто, заключалась в поручении написать от его имени ответ на полученное им приглашение на гольф от некоего Адама Джонсона. Я должна была по-английски сообщить, что господин Сайто принимает это приглашение.

— Кто этот Адам Джонсон? — спросила я по глупости.

Мой начальник вздохнул, дабы выразить свое раздражение, но промолчал. Я не поняла, то ли стыдно не знать, кто такой господин Джонсон, то ли мой вопрос неприличен. Я так никогда и не узнала, кто же был этот Адам Джонсон.

Задание показалось мне довольно легким. Я села и написала сердечное письмо: господин Сайто с удовольствием приедет в ближайшее воскресенье на гольф к господину Джонсону и шлет ему дружеский привет. Готовое письмо я отнесла своему начальнику.

Господин Сайто взглянул на результат моих трудов, издал презрительный возглас и порвал написанное мною письмо:

— Переделывайте.

Я решила, что была слишком любезна и даже фамильярна с Адамом Джонсоном, и сочинила холод-

ное и официальное письмо: господин Сайто принял к сведению приглашение господина Джонсона и, в соответствии с его пожеланием, согласен приехать к нему на гольф.

Мой начальник прочитал это письмо, опять издал презрительный возглас и снова порвал его:

— Переделывайте.

Мне очень хотелось спросить, что же у меня не так, но по реакции шефа на вопрос о том, кто такой Адам Джонсон, я поняла, что он не выносит, когда ему задают вопросы. Я должна была сама догадаться, в каком стиле подобает обращаться к таинственному Адаму Джонсону.

Все последующие часы я сочиняла бесчисленные послания этому любителю гольфа. Господин Сайто рвал каждое мое очередное письмо, сопровождая эту процедуру ставшим уже привычным презрительным возгласом.

После чего мне приходилось изобретать новый эпистолярный стиль, отличный от предыдущих.

В этой бесконечной игре, напоминавшей сказку “У попа была собака, он ее любил...”, была и своя забавная сторона. Я начала фантазировать: а что, если Адам Джонсон был бы глаголом, ближайшее воскресенье — подлежащим, игра в гольф — дополнением, а господин Сайто — прилагательным? Тогда получилось бы такое письмо: “Ближайшее воскресенье с удовольствием приедет поадамджонситься в Сайтовую гольф-игру. И пусть застрелится Аристотель!”

Я с удовольствием предавалась захватившей меня игре, но тут меня вызвал к себе шеф. Он молча порвал мое энное по счету письмо и сказал, что Фубуки Мори пришла:

— До конца дня вы будете работать с ней. А пока принесите мне кофе.

Было уже два часа. Эпистолярные гаммы так увлекли меня, что я просидела над ними полдня, ни разу не передохнув.

Поставив чашку кофе на стол господина Сайто, я обернулась и увидела, что ко мне подходит девушка — тонкая и высокая, как лук.

Когда я вспоминаю Фубуки, то сразу же представляю себе боевой японский лук, размером превосходящий самого рослого мужчину. Вот почему в своей книге я решила назвать эту компанию “Юмимото”, что означает “Лук”.

И когда я вижу лук, то сразу вспоминаю Фубуки, которая была выше многих мужчин.

— Госпожа Мори?

— Называйте меня Фубуки.

Фубуки Мори была ростом не меньше ста восьмидесяти сантиметров — даже для мужчин в Японии это редкость. Она была стройной и восхитительно грациозной, несмотря на обычную японскую чопорность, от которой она не смела освободиться. Но лицо ее было столь прекрасно, что я буквально замерла от восторга. Она между тем продолжала что-то говорить. Я слышала ее интеллигентный и нежный голос. Она показывала мне папки, объясняла их назначение, улыбалась. Я даже не замечала, что не слушаю ее.

Затем она предложила мне ознакомиться с документами, которые приготовила на моем столе. Она села за свой стол, который стоял напротив моего, и принялась за работу. Я послушно перелисты-

вала разложенные передо мной бумаги. Это были какие-то перечни, расчеты.

Но она сидела в двух шагах от меня, и мой взгляд притягивала пленительная красота ее лица. Ее опущенные глаза были прикованы к цифрам, и она не замечала, что я ее разглядываю. У нее был наипрелестнейший носик в мире, бесподобный японский носик, с тонкими, чисто японскими ноздрями.

Не каждому японцу достается подобный нос, но уж если вам такой нос встретится, знайте: он может быть только японским.

Если бы Клеопатра обладала несравненным японским носом, география земного шара была бы совсем иной.

Рабочий день закончился, но стоило ли печалиться из-за того, что я так и не успела проявить свои познания, благодаря которым меня приняли на работу? Ведь я хотела работать на японском предприятии? И вот, пожалуйста, я работаю.

Мне казалось, что мой первый день прошел просто замечательно. Точно так же будут проходить и последующие дни.

Я, правда, не понимала, какую роль отвели мне в этом учреждении, но меня это не волновало. Господин Сайто явно считал меня туповатой, но меня и это не заботило. Я просто влюбилась в свою коллегу. И ее дружбы было для меня более чем достаточно, чтобы по десять часов в день проводить в компании “Юмимото”.

У нее была матовая и белоснежная кожа — такую воспевают в своей прозе Танидзаки. Фубуки являла собой воплощение японской красоты. Если бы только

не ее рост. Зато лицо Фубуки напоминало “гвоздику древней Японии”, которая в былые времена символизировала девушку благородных кровей. Увенчивая ее высокий и тонкий силуэт, это похожее на гвоздику лицо призвано было возвышаться и царить над всеми прочими людьми.

“Юмимото” слыла крупнейшей компанией мира. Господин Ханэда возглавлял империю импорта-экспорта, которая покупала и продавала все, что только существует на земном шаре.

В каталоге товаров, которыми торговала “Юмимото”, как в детских стихах Жака Превра, можно было найти все на свете — от финского “Эмменталя” до сингапурского мыла, от канадского оптического волокна до французских покрышек и тоголезского джута. Чего здесь только не было!

Обычный человек даже представить себе не может, какие деньги получала и выплачивала “Юмимото”. По мере увеличения нулей итоговые суммы из мира чисел перекочевывали в область абстрактного искусства. Я задавалась вопросом, есть ли хоть один сотрудник в этой компании, который радуется прибыли в сто миллионов иен или огорчается из-за убытков на такую же сумму.

Служащие “Юмимото” воспринимали значимость нулей только рядом с другими цифрами. Все, кроме меня, оказавшейся неспособной оценить власть нуля.

День проходил за днем, а я все так же оставалась не у дел. Меня это совсем не огорчало. Мне казалось, что обо мне попросту забыли, и это было даже приятно. Сидя за своим столом, я читала и перечитывала

документы, которые дала мне Фубуки. Все они навевали на меня скуку, за исключением одного — поименного списка сотрудников, где значились также имена супруги или супруга, их любимых деток и дата и место рождения каждого члена семьи.

В этих сведениях не было ничего увлекательного. Но когда очень голоден, то и корка хлеба покажется вкусной: мой мозг так устал от инертности и праздности, что даже этот список я воспринимала как пикантное чтиво, словно передо мной был скандальный журнальчик, публикующий сведения об интимной жизни знаменитостей. Честно говоря, из всех бумаг я поняла только этот список.

Чтобы изобразить трудовое рвение, я решила выучить его наизусть. В нем была целая сотня имен. Большинство сотрудников имели семью и детей, что значительно усложняло мою задачу.

Но я отважно взялась за дело: склонившись над бумагами, я вчитывалась в японские имена, а затем, оторвав глаза от списка, повторяла их в уме. Когда я поднимала голову, мой взгляд неизменно падал на лицо Фубуки, сидевшей напротив меня.

Господин Сайто больше не поручал мне писать письма ни Адаму Джонсону, ни кому-либо еще. Впрочем, он вообще мне больше ничего не поручал, а лишь просил приносить кофе.

Нет ничего более естественного для новичка, поступившего на работу в японскую компанию, как начать свою трудовую деятельность с освоения о-тякуми — почетной обязанности разливать чай.

Я отнеслась к этому делу очень серьезно — тем более что это была моя единственная обязанность.

Вскоре я уже знала вкусы и привычки всех своих начальников. В восемь тридцать утра я должна была подавать черный кофе господину Сайто. В десять утра — кофе с молоком и двумя кусками сахара господину Унадзи. Господину Мидзуно — каждый час по стакану кока-колы. Господину Окаде — в пять часов английский чай с облачком молока. Фубуки — зеленый чай в девять утра, черный кофе в полдень, зеленый чай в три часа дня и еще раз черный кофе в семь вечера. И каждый раз она благодарила меня с подкупающей вежливостью.

Именно на этом скромном поприще я потерпела первое поражение.

Однажды утром господин Сайто сообщил мне, что вице-президент принимает сегодня в своем кабинете важных гостей из дружественной фирмы:

— Подайте кофе на двадцать человек.

В назначенный час я вошла к господину Омоти с большим подносом и великолепнейшим образом выполнила свою задачу: каждую чашечку я подавала с подчеркнуто скромным видом, низко кланяясь и опустив глаза, произнося при этом самые изысканные и подобающие случаю церемонные выражения. Если бы существовал орден за высокое искусство о-тякуми, я бы его безусловно заслужила.

Несколько часов спустя делегация уехала. И тут все мы услышали громовой голос необъятного господина Омоти:

— Сайто-сан!

Я видела, как мгновенно побледневший господин Сайто вскочил с места и побежал в логово вице-президента. Через стену я слышала гневный ор тол-

стяка. Я не могла разобрать, что он кричит, но ничего хорошего это не предвещало.

Из кабинета вице-президента господин Сайто вышел с перевернутым лицом. При одной только мысли, что он весит раза в три меньше своего обидчика, я испытала к нему неожиданный прилив нежности. Но тут он свирепым тоном выкрикнул мое имя.

Я последовала за ним в пустой кабинет. От ярости он даже заикался:

— Вы все испортили! Вы настроили против нас представителей дружественной фирмы! Подавая кофе, вы произносили традиционные японские фразы, которые выдают ваше прекрасное знание языка!

— Но я действительно неплохо говорю по-японски, Сайто-сан.

— Замолчите! Как вы смеете возражать? Господин Омоти крайне недоволен вами. Вы создали отвратительную атмосферу во время приема этой делегации: могут ли нам доверять партнеры, если у нас работает белая женщина, превосходно понимающая японский язык? С этого дня вы больше не говорите по-японски!

Я вытаращила глаза:

— Простите?

— Вы больше не знаете японского языка. Понятно?

— Но ведь меня приняли на работу в вашу фирму только потому, что я знаю японский!

— Мне наплевать. Я приказываю вам забыть японский язык.

— Но это невозможно! Никто не сможет подчиниться такому приказу.

— Сможете, если потребуется. И ваши западные мозги должны это усвоить.

“Приехали!” — подумала я. И попыталась возразить:

— Японский мозг, возможно, и способен забыть какой-то язык. А западный — не способен.

Этот неожиданный аргумент, как ни странно, подействовал на господина Сайто.

— И все-таки попробуйте. По крайней мере, делайте вид, что не понимаете. Я получил приказ относительно вас. Ясно?

Говорил он сухо и повелительно.

На свое рабочее место я, видимо, вернулась крайне растерянной, потому что Фубуки встретила меня нежным и встревоженным взглядом. Я погрузилась в полную прострацию, размышляя, что же мне теперь делать.

Самым логичным было бы уволиться. Однако мне трудно было решиться на этот шаг. С точки зрения западного человека, в подобном поступке нет ничего позорного, но для японца это означает потерять лицо. Я еще и месяца не проработала в компании, а контракт подписала на целый год. Если я сейчас хлопну дверью, то опозорюсь не только в глазах японцев, но и в своих собственных.

Тем более что мне вовсе не хотелось уходить. Ведь я с таким трудом добилась, чтобы меня приняли в эту компанию: пришлось выучить деловой токийский язык, пройти всевозможные тесты. Я не стремилась стать высококвалифицированным экспертом в области международной торговли, но я всегда мечтала жить в Японии, о которой с раннего детства сохранила самые идиллические воспоминания, а потом издали благоговела перед этой страной.

Нет, я останусь.

Нужно только придумать, как выполнить приказ господина Сайто. Я обследовала свое сознание в поисках геологического слоя, предрасположенного к амнезии: не найдется ли какого-нибудь тайного подземелья в крепости моего мозга? Чего я там только не обнаружила: хорошо и плохо укрепленные участки, сторожевые башни и бастионы, провалы и рвы, заполненные водой. Но — увы! — я так и не смогла отыскать темницы, чтобы замуровать там язык, на котором все говорили вокруг меня.

Если я не в состоянии его забыть, может быть, я сумею притвориться, что забыла? Если вообразить, что язык — это лес, почему бы мне не припрятать за французскими кедрами, английскими липами, латинскими дубами и греческими оливами бесчисленные японские криптомерии, имеющие весьма подходящее к случаю название?

Мори, фамилия Фубуки, означает “лес”. Не потому ли я и обратила свой печальный взгляд на эту девушку? Я видела, что она все время вопросительно поглядывает на меня.

Она встала с места и знаком дала понять, чтобы я вышла вместе с ней. На кухне я понуро опустилась на стул.

— Что он вам сказал? — спросила Фубуки.

Наконец-то я могла кому-то открыться! Чуть не плача, я бессвязно рассказала ей о случившемся. И не могла удержаться от резких слов:

— Ненавижу этого господина Сайто! Дурак и мерзавец!

Фубуки улыбнулась и возразила:

— Это не так. Вы ошибаетесь.

— Ну конечно. Вы... вы — такая милая, что не за-

мечаєте в людях нічого полого. Такий приказ мог оддати тольоко...

— Успокойтесь. Приказ исходит не от него. Он тольоко передал распоряжение господина Омоти. У него не было выбора.

— Значит, этот господин Омоти — последний...

— Ну, это отдельный разговор, — прервала она меня. — Что вы хотите? Он же вице-президент. Мы с вами не можем ничего изменить.

— Я думаю, мне стоит поговорить с президентом, господином Ханэдой. Что он за человек?

— Господин Ханэда — замечательный человек. Очень умный и добрый. Но вы не можете пожаловаться ему.

Она была права, и я это знала.

В Японии совершенно недопустимо обращаться к вышестоящему начальству, минуя хотя бы одну ступень, тем более перепрыгнуть сразу несколько. Я имела право обратиться тольоко к своему непосредственному руководителю, то есть к Фубуки Мори.

— Фубуки, вы моя последняя надежда. Я знаю, что вы не в силах помочь мне. Но я все равно благодарю вас. От вашего участия мне уже легче.

Она улыбнулась.

Я спросила, как пишется ее имя. Она показала мне свою визитную карточку. Я увидела напечатанные на ней иероглифы и воскликнула:

— Снежная буря! Фубуки означает “снежная буря”! Какое у вас красивое имя!

— Я родилась во время снежной бури. Мои родители увидели в этом знак.

Мне тут же вспомнился список сотрудников “Юмимото”: Мори Фубуки родилась в Наре 18 ян-

варя 1961 года. Значит, она — дитя зимы. В тот же миг мне представилась эта неистовая снежная буря, которая разразилась тогда в красивейшем городе Наре с его бесчисленными колоколами, — что же удивляться, что такая восхитительная девушка родилась в день, когда небесная красота обрушилась на красоту земную?

Фубуки рассказала мне о своих детских годах, проведенных в Кансае. А я рассказала ей о своем раннем детстве, которое проходило в той же провинции, неподалеку от Нары, в деревне Сюкугава, у подножия горы Кабуто — от воспоминаний об этих легендарных местах у меня на глаза навернулись слезы.

— Как я рада, что мы с вами — дети Канса! Ведь именно там бьется сердце старой Японии.

Душой я все годы так и оставалась в этих краях, после того как в возрасте пяти лет мне с моими родителями пришлось сменить японские горы на китайскую пустыню. Это первое изгнание далось мне так тяжело, что я была готова преодолеть любые трудности, лишь бы возвратиться в страну, которую столь долго считала своей родиной.

Когда мы вернулись на рабочие места, я еще не решила, как следует себя вести. И совсем не представляла себе, чем буду заниматься в компании “Юмимото”. Но какое счастье, что у меня есть такая коллега, как Фубуки Мори!